

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ДОНЕЦКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК**

ВЫПУСК 10

Донецк 2002

В связи с наблюдающимся в последнее время оживлением интереса к проблемам периодизации и хронологии бабинской культуры (многоваликовой керамики) и в свете общей оценки современных тенденций исследования памятников конца средней и начала поздней бронзы юга Восточной Европы, возникла необходимость вновь обратиться к вопросам относительной хронологии данного культурного образования, подойдя к их решению на качественно новом уровне, подразумевающим привлечение максимально большего количества доступных источников, а также сведение воедино полученных по отдельным регионам данных и создание в перспективе общей схемы периодизации, которая могла бы лечь в основу широкоплановых культурно-исторических реконструкций. Учитывая масштабность данной темы, ограничимся в предлагаемой работе лишь сюжетом, посвященным бабинским памятникам восточной, Доно-Днепровской, области.

Для бабинских памятников¹ указанной области имеется несколько периодизационных схем, разработанных применительно к отдельным территориальным группам: для Нижнего Дона [23; 58], Северского Донца и Донецкого Надазовья [11; 21; 22; 46; 47], Левобережной украинской Лесостепи [5] и Предстепья [15], а также Степного Поднепровья [35]. Сопоставление перечисленных периодизаций между собой показывает, что наибольшее сходство из них демонстрируют четырех- и трехступенчатые схемы И.А. Пислария (рис.1), О.Р. Дубовской (рис.5), Р.А. Литвиненко (рис.4, 6, 7), а также примыкающие к ним двуступенчатые периодизации Э.С. Шарафутдиновой (рис.3) и И.Ф. Ковалевой (рис.2). При имеющихся практически для каждой из этих схем упущениях и несовпадениях между ними, все они отражают общую тенденцию развития погребальной обрядности: **а)** от захоронений в ямах, деревянных или каменных ящиках с дуально-оппозитным (правый-левый бок, восточная-западная ориентация) положением разнополюх умерших, сопровождаемых «шкурами» животных, кольцевыми и планочными пряжками, каменными оселками, колчанными наборами, ожерельями из клыков и бус; **б)** через так называемые «переходные» обрядовые группы с недостаточно устойчивыми обрядовыми признаками, но строго определенными типами «пряжек» – круглыми с бортиком сначала без дополнительного малого отверстия, а потом с ним; **в)** к погребениям с восточной или юго-восточной ориентацией, сопровождаемым круглыми и овальными двудырчатыми «пряжками».

Из этого единства явно выпадают схемы В.В. Отрощенко и С.И. Берестнева. Отличает их от остальных и одновременно сближает между собой то, что все

¹ Крайне слабая изученность бабинских поселений, а также характер самих памятников, в большинстве своем однослойных, предопределили то обстоятельство, что существующие периодизации бабинской культуры основаны на материалах курганных могильников. При этом для отдельных регионов, в основном к востоку от Днепра, периодизации построены на данных курганной стратиграфии. В то же время для западных областей, где практика курганного строительства (возведение собственных насыпей и досыпок) у носителей бабинских традиций была неразвита, и возможности стратиграфических наблюдений поэтому объективно сведены к минимуму (редкие случаи прямого или вертикального перекрытия/нарушения между погребениями), в основу хронологических построений, как правило, положены данные сравнительно-типологического анализа обряда и инвентаря погребений.

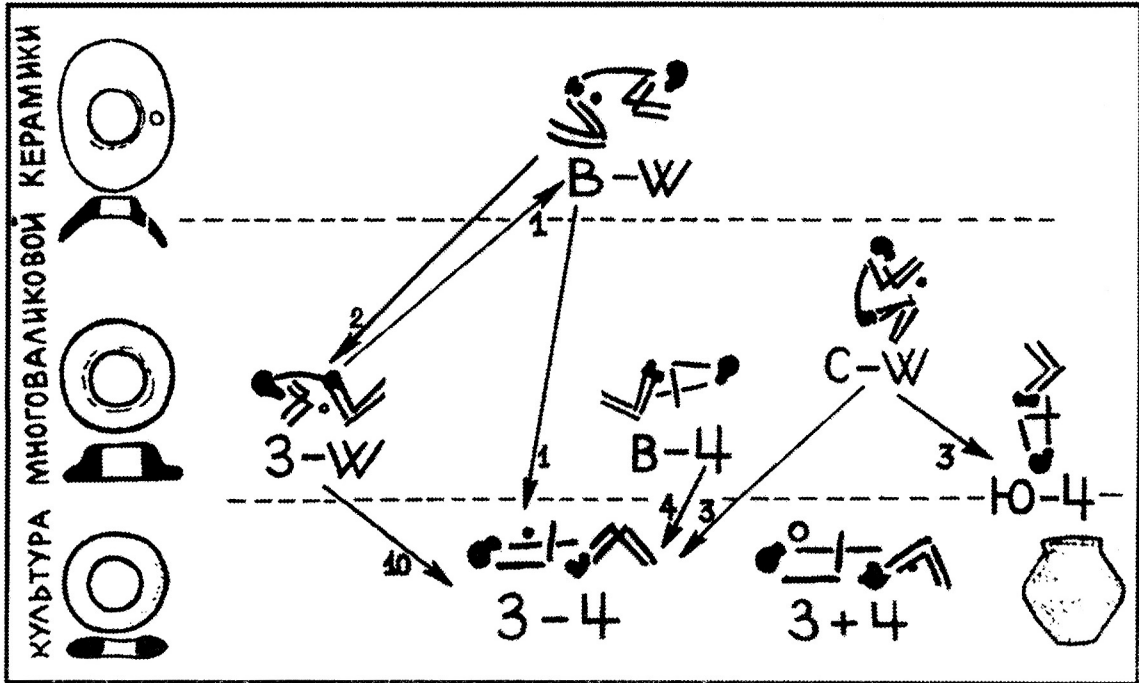

Рис. 1. Последовательность хронологических групп различных типов погребений по данным стратиграфических наблюдений (по: Писларий 1983, с. 17; фрагмент).

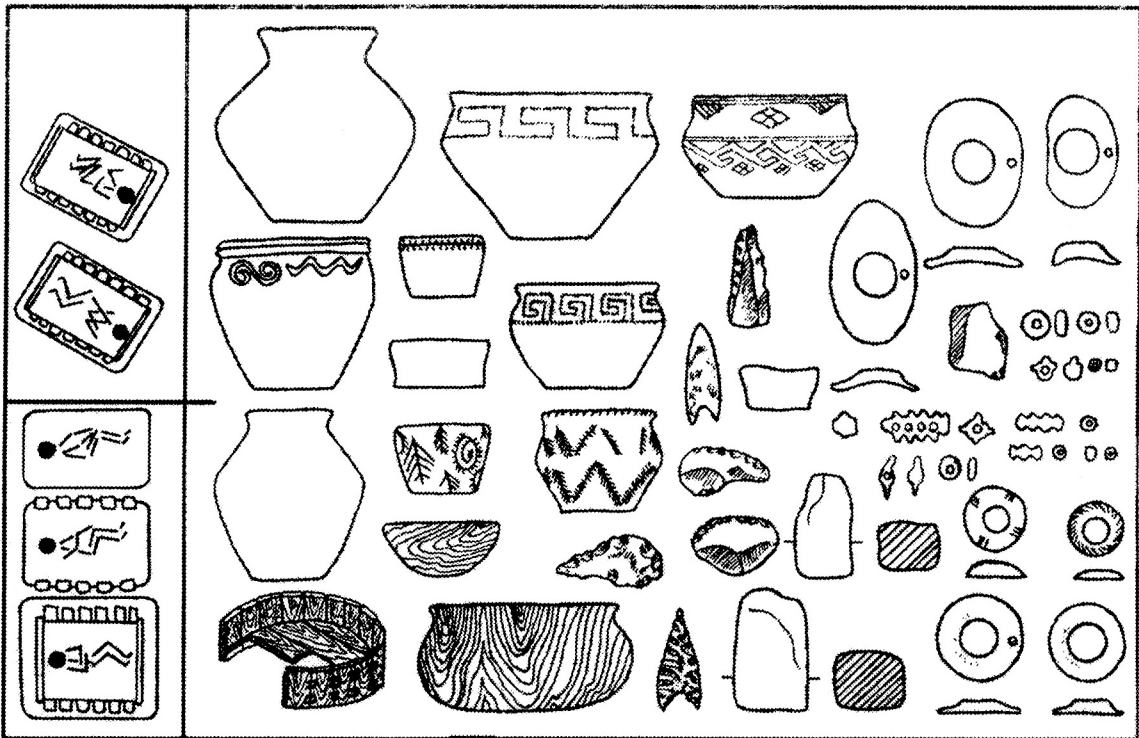

Рис. 2. Стратиграфические горизонты погребений среднего бронзового века Орельско-Самарского междуречья (по: Ковалева 1981, с. 18, рис. 1; фрагмент).

ГРУППА	ОБРЯД	ТИП ПРЯЖКИ
II ПОЗДНЯЯ		
I РАННЯЯ		

Рис. 3. Хронологические группы погребений КМК Нижнего Дона (схема Р.А. Литвиненко по: Шарафутдинова Э. 1987)

III период		
II период		
I период		

Рис. 4. Хронологическая колонка КМК Нижнего Подонья (по: Литвиненко 1998, рис.4)

		ОБРЯД	ТИП ПРЯЖКИ	ИНВЕНТАРЬ
СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ	IV			
	III			
	II			
	I			

Рис. 5. Стратиграфические горизонты погребений КМК Донетчины и Северо-Восточного Приазовья (схема Р.А. Литвиненко по: Дубовская 1985)

выделенные, соответственно, в Степном Поднепровье и Левобережной Лесостепи обрядовые группы бабинской культуры объявляются синхронными. В первом случае на основании планиграфических наблюдений и при отсутствии «выразительного стратиграфического приоритета» синхронизируются, с одной стороны, погребения в прямоугольных ямах и каменных ящиках или деревянных рамах при западной ориентации слабоскорченных скелетов, в сопровождении кольцевых пряжек и корчаг, и, с другой стороны, захоронения в овальных ямах или подбоях с сильно скорченными скелетами при их восточной, юго-восточной и южной ориентации, в сопровождении овальных двудырчатых пряжек, маленьких биконических сосудиков и баночек [39 с.93, 98-99]. Во втором случае логика построений оказалась просто непонятной: при дефиците стратиграфических свидетельств [5, с.65], «при относительной бедности и малоинформативности сопровождающего инвентаря в вопросах периодизации и относительной хронологии массива погребальных памятников ... на первый план выходят стратиграфические данные и типологические сопоставления» [5, с.69]. Итоговый вывод, свёлся к тому, что «в настоящее время нет веских оснований утверждать хронологический приоритет одной из обрядовых групп» [5, с. 65]. Неясной также осталась причина, по которой комплексы бабинской культуры с иными характеристиками, чем выделенные С.И. Берестневым 1-я и 2-я обрядовые группы (рис.13, 4), остались неучтенными, несмотря на их присутствие в регионе Восточноукраинской лесостепи: лево- и правобочные ингумации с северной, восточной/юго-восточной ориентациями.

Сама ситуация, когда обширная область между Доном и Днепром демонстрирует однозначную и устойчиво повторяющуюся картину временной последовательности обрядовых групп, а два входящих в эту область региона «выпадают» из общей хронологической тенденции, наводит на мысль о закравшейся где-то ошибке. Обратим внимание и на такой парадокс: оба «нестандартных» региона (Степное Поднепровье и Левобережная украинская лесостепь) окружают Левобережное днепровское Предстепье, памятники которого характеризуются общей для днепро-донской области хронологической очередностью обрядовых групп бабинской культуры [15]. Исходя из оценки имеющейся источниковой базы, представляется, что в обоих случаях авторы не использовали все возможности стратиграфических наблюдений и упустили доступные свидетельства, позволяющие разделить массив погребальных памятников бабинской культуры на горизонты, а затем хронологические этапы, не погрешив при этом абсолютизацией стратиграфических данных, которой они так опасаются и от которой предостерегают других [5, с.72; 39, с. 88-89, 91-92]. Кроме того, видимо неоправданно в данном случае были игнорированы имеющиеся многочисленные данные о взаимной стратиграфии бабинских погребений, происходящие из смежных регионов, тем более, что оба автора едины во мнении о принципиальной возможности экстраполяции такого рода свидетельств из соседних регионов и их значимости для хронологических построений [5, с. 4, 46; 36, с. 110; 39, с. 120].

Прежде чем перейти к источникам, определим принципы, которые будут положены в основу их анализа. Предметом нашего исследования является относительная хронология, а в итоге периодизация погребальных памятников бабинского культурного круга. Для выяснения хронологической последовательности предварительно выделенных обрядовых групп (типов) погребений применялся неоднократно и успешно апробированный на материалах различных регионов и культур, в том числе бабинской, *метод сравнительной стратиграфии* [6, с.130-

137; 13; 15, с.16-24; 32; 46; 53, с.93-98; 56, с.22-25; и др.]. Возможность использования этого метода применительно к бабинским памятникам Днепро-Донской области определяется наличием в этом регионе достаточно представительной серии стратифицированных курганов, стратиграфические колонки которых насчитывали от двух до пяти звеньев одних только бабинских погребений. Обратим внимание на два важных обстоятельства, неверно истолковываемых противниками, а иногда и сторонниками, стратиграфического метода построения периодизационных схем. Во-первых, сравнительная стратиграфия предполагает именно сопоставительный анализ стратиграфически разновременных комплексов, при котором для выделения хронологических этапов (периодов) значимыми являются не всякие стратиграфические «пары», а лишь тех из них, что демонстрируют различия на обрядово-инвентарном уровне и, при достаточной представительности источников, характеризуются сериацией (повторяемостью). Именно благодаря такому отбору, большинство существующих для Днепро-Донской области периодизаций включает всего лишь 2-3 хронологических этапа, несмотря на присутствие здесь курганов с 3-5-ступенчатой стратиграфией одних только ранних погребений (Большой Суходол к.2/3; Македоново к.1; Молодогвардейск к.2; Репный к.7; Приволье к.11; Терны, Долгая могила к.4; Губиниха-II к.3; и др.) [10; 16, с.22-26; 17, с.12-24; 43; 44; 45; 50]. Во-вторых, выскажем наше принципиальное несогласие с попытками интерпретировать курганную стратиграфию вообще и применительно к бабинской культуре в частности, как показатель исключительно социальной (равно социально-кастовой), а не хронологической дифференциации [5, с. 19; 38, с. 58-59; 39, с. 91-92; 48, с. 101]. В подтверждение того, что не всегда «социально значимые» погребения являются основными (т.е. более ранними), по отношению к впускным «рядовым», приведем примеры стратиграфических колонок с обратной последовательностью:

а) Репный к.7: наиболее ранними из комплексов бабинской культуры являлись впускные без досыпки мужское и женское погребения 13 и 17 (в небольших ямах, сопровождаемые лишь мясной напутственной пищей); следующим во времени явилось мужское погребение 10 (с досыпкой, в яме с деревянной рамой, сопровождаемое колчанным набором и каменным сверленным топором); его перекрывали досыпки над мужским погребением 1 (с кольцевой пряжкой) и парным погребением 7 женщины с подростком (сопровождалось кольцевой пряжкой и украшениями их бус) [50, с.405];

б) Большой Суходол к. 2/3: насыпь основного детского погребения 7 (сопровождалось лишь кварцитовым отщепом) перекрывалась досыпкой над погребением 4 (в яме с деревянной рамой), которое, в свою очередь, было перекрыто досыпкой над погребением 3 (сопровождалось кольцевой пряжкой с бортиком и астрагалом) [45];

в) Кринички-II к. 3: основное безынвентарное погребение 2 перекрывалось досыпкой над погребением 1, сопровождавшимся кольцевой пряжкой с бортиком [20];

г) Александровка-I к. 3: курган над парным детским погребением 1 (основное, безынвентарное) перекрывался досыпкой с ритуальной площадкой над погребением 3, совершенным в большой яме с заплечиками и деревянной рамой, сопровождавшимся деревянной чашей с бронзовыми скрепами, каменным пестом и костяной кольцевой пряжкой с бортиком [18, с. 7-8; 54, с. 91].

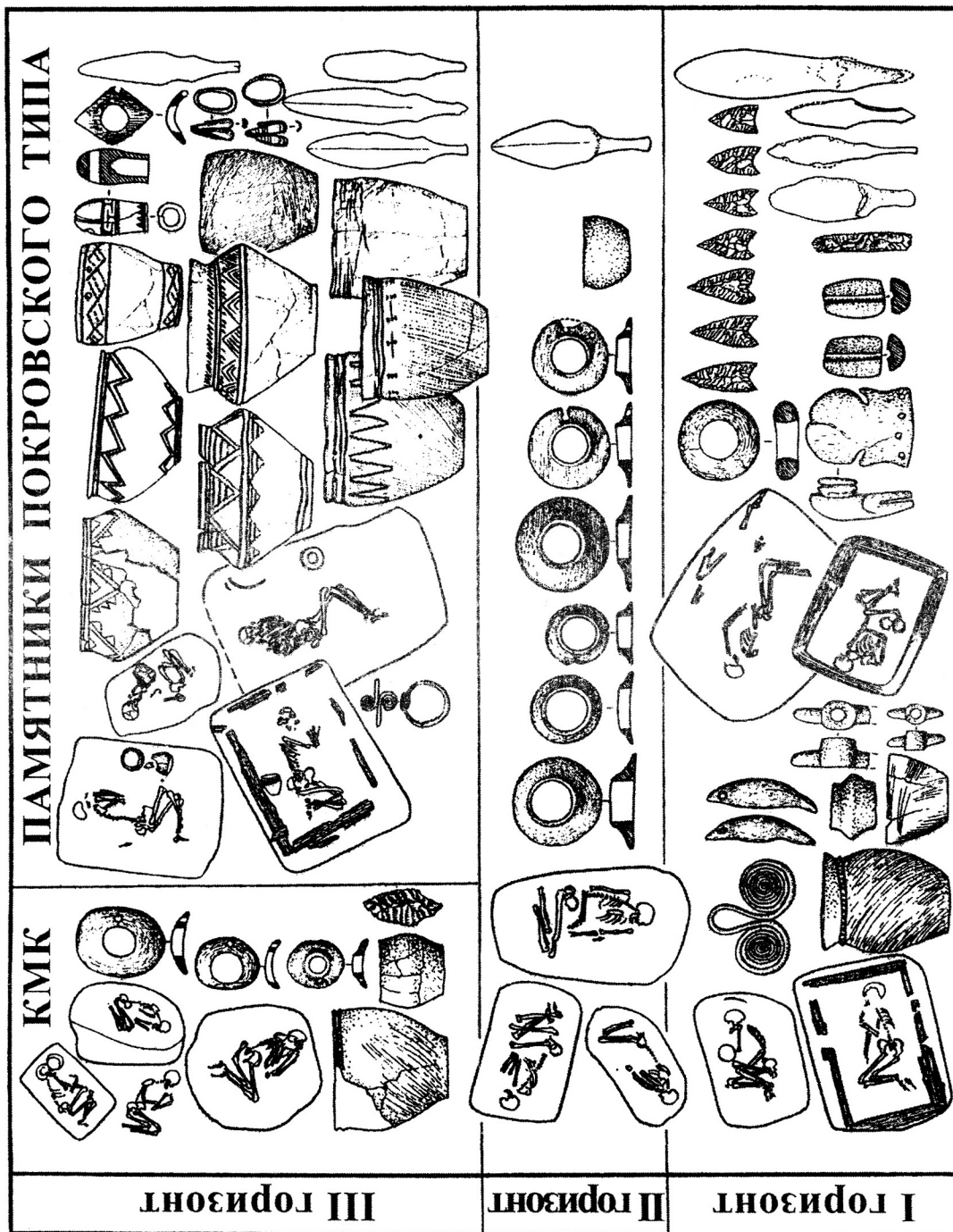

Рис. 6. Периодизация могильников КМК бассейна Северского Донца (по: Литвиненко 1994, с. 345, рис. 103: фрагмент)

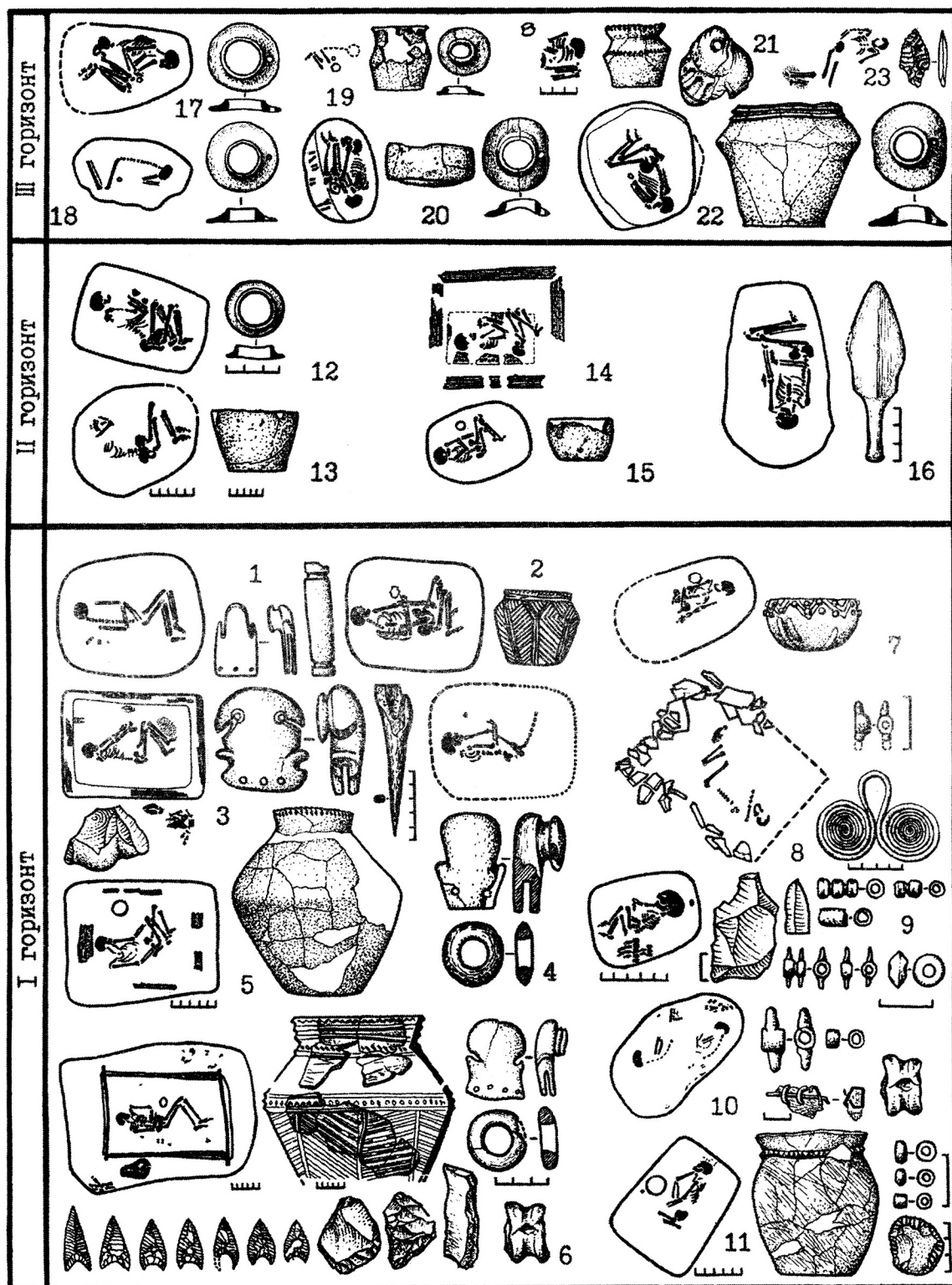

Рис. 7. Стратиграфические горизонты погребений КМК Восточного Надазовья (по: Литвиненко 1996, с.69, рис.1)

В дополнение к сказанному заметим, что не только для ранних, но и поздних хронологических горизонтов бабинской культуры, в том числе позднейших (в подбойных могилах с овальными двудырчатыми пряжками), известна практика курганного строительства (собственные насыпи и досыпки) и так называемые «социально значимые» погребения, хотя встречаются они значительно реже, по сравнению с ранним периодом культуры. Однако не известно ни одного случая, чтобы в эти поздние курганы были впущены захоронения ранних обрядовых групп (в деревянных или каменных гробницах, с биполярным положением женщин и мужчин, в сопровождении кольцевых пряжек и бус с выступами, а также другими характерными элементами обряда и инвентаря).

В свое время С.Н.Братченко была обоснована и получила широкое признание концепция сложения бабинской культуры в лесостепной зоне Левобережной Украины и последующего распространения её, очевидно путем миграции, на другие территории [7, с.457-458]. Известен и альтернативный подход, высказанный С.С.Березанской, согласно которому сложение КМК происходило одновременно на огромной территории, занятой в предшествующий период несколькими культурами или группами памятников, ставших основой для отдельных вариантов КМК [2, с.41-42]. Своеобразное развитие автохтонистский подход нашел в построениях В.В.Отрощенко, предполагающего синхронное формирование памятников бабинской культуры как в *Дно-Днепровском* регионе, где культуурообразующие процессы были связаны с расселением здесь носителей среднедонской катакомбной культуры, так и *Днепро-Бугском* регионе, в котором генетическим фоном местной линии развития бабинской культуры явилась ингульская катакомбная культура. Основанием для таких выводов стали наблюдения за стратиграфией и планиграфией курганов, по мнению автора, свидетельствующие об отсутствии «выразительного стратиграфического приоритета» погребений в каменных ящиках и деревянных рамах, ориентированных на запад и сопровождающихся пряжками-кольцами (доно-днепровская группа Бабино – Р.Л.), по отношению к захоронениям в подбоях с овальными двудырчатыми пряжками (днепро-бугская группа Бабино – Р.Л.) [39, с.87-88, 93-99]. Работы В.В.Отрощенко всегда отличаются предметной и детальной проработкой первоисточников, критическим (в позитивном понимании) отношением к уже опубликованным материалам, в чем, кстати сказать, заключается их сильная сторона. Это обстоятельство соответствующим образом настраивает и авторов, включающихся в научный диалог при обсуждении тех или иных проблем. В противном случае, ведущаяся на «разных языках» дискуссия обречена либо на преждевременное безрезультатное прекращение, либо на бесконечное и столь же бесплодное продолжение. Стремясь к позитивному конечному результату, мы решили следовать этим же принципам и, аргументируя свою точку зрения, оперировать адекватными доводами.

Поскольку основные ареалы памятников, отражающих восточную (доно-днепровскую) и западную, или центральную по В.В.Отрощенко, (днепро-бугскую) традицию погребальной обрядности не совпадают, проследить стратиграфическое соотношение подбоев с рамами-срубами очень сложно [39, с.93], но, добавим от себя, все же возможно. И особенно перспективен в этом плане нижнеднепровский регион, где наблюдается своеобразная зона археологической стыковки и частичного наложения ареалов обеих групп (вариантов) бабинского культурного круга. Кроме того, имеют место и случаи «взаимопроникновения» памятников обеих групп глубоко в соседние области, что также несколько увеличивает

вероятность фиксации случаев интересующего нас стратиграфического соотношения.

При констатируемом дефиците, В.В.Отрощенко все же привел пример стратиграфической колонки кургана 1 (группа Р-І/V) у с. Любимовка Каховского р-на Херсонской обл., где погребение 10 (женская обрядовая группа раннего этапа Бабино) было разрушено погребением 8 (подбой, южная ориентация костяка, овальная двудырчатая пряжка) [39, с.93-94, рис.14] (рис. 8, 1). Близкая стратиграфическая ситуация может быть проиллюстрирована курганом 16 группы І у с.Заповитнэ Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл., раскопанном самим В.В.Отрощенко [35, рис.23, 1]: здесь основное погребение 13 (женская обрядовая группа раннего этапа Бабино) было разрушено бабинским погребением 12 (овальная яма, юго-восточная ориентация костяка, сосуд), в свою очередь перекрытом погребением 11 (костяк в левобочной позе «адорации» с восточной ориентацией); рядом с описанным скоплением находилось разрушенное поздним кочевником впускное бабинское погребение 6 с овальной двудырчатой пряжкой, которое также следует помещать в верхних горизонтах рассматриваемой стратиграфической колонки (рис. 8, 2).

Аналогичное рассмотренным стратиграфическое соотношение наблюдается в кургане 1 у с. Полковое Волновахского р-на Донецкой обл., в котором погребение 8 (женская обрядовая группа раннего этапа Бабино) вновь-таки было разрушено погребением 3 (в округлой яме, с южной ориентацией костяка, сосудом и овальной двудырчатой пряжкой) [51; 39, рис.13]. В.В.Отрощенко материалами кургана у Полкового иллюстрирует линию развития бабинской культуры с базовым ингульским компонентом [39, с. 95, 101], справедливо обращая внимание на сосуд из основного погребения 8, но при этом упуская из виду, что по обряду это погребение демонстрирует именно восточную (днепро-донскую) бабинскую традицию захоронений женской обрядовой группы². Весьма примечательно, что обрядовая практика бинарной оппозиции для мужских и женских захоронений раннего периода, выявленная самим В.В.Отрощенко, соотносится им же именно с восточной областью бабинской культуры [37; 39, с.103], подтверждая нашу атрибуцию основного погребения 8 кургана 1 у с. Полковое и оценку всей стратиграфической колонки этого комплекса.

Не менее показательные стратиграфические свидетельства для установления хронологического соотношения между интересующими нас группами захоронений удалось выявить в других курганах Днепро-Ингульского региона. Рассмотрим их.

² Подробнее об этом нам приходилось писать в специальной работе [28, с.189]. Комментируя предложенную мною схему периодизации бабинской культуры Восточного Надазовья (рис. 7), В.В.Отрощенко высказал свое несогласие с тем, что помещенное в сводную таблицу погребение 8 кургана 1 у с. Полковое занимает верхнюю позицию в пределах І горизонта, вместо будто бы полагающегося ему места в самом низу таблицы, то есть в начале колонки [39, с.91]. Но, во-первых, в данной схеме автором не предусматривалось какое-либо хронологическое членение внутри выделенных горизонтов и потому место для компоновки в таблице комплекса из Полкового было выбрано произвольно. А, во-вторых, для утверждения хронологического приоритета погребения 8 кургана 1 у с. Полковое, по отношению к другим захоронениям І горизонта, нет абсолютно никаких оснований.

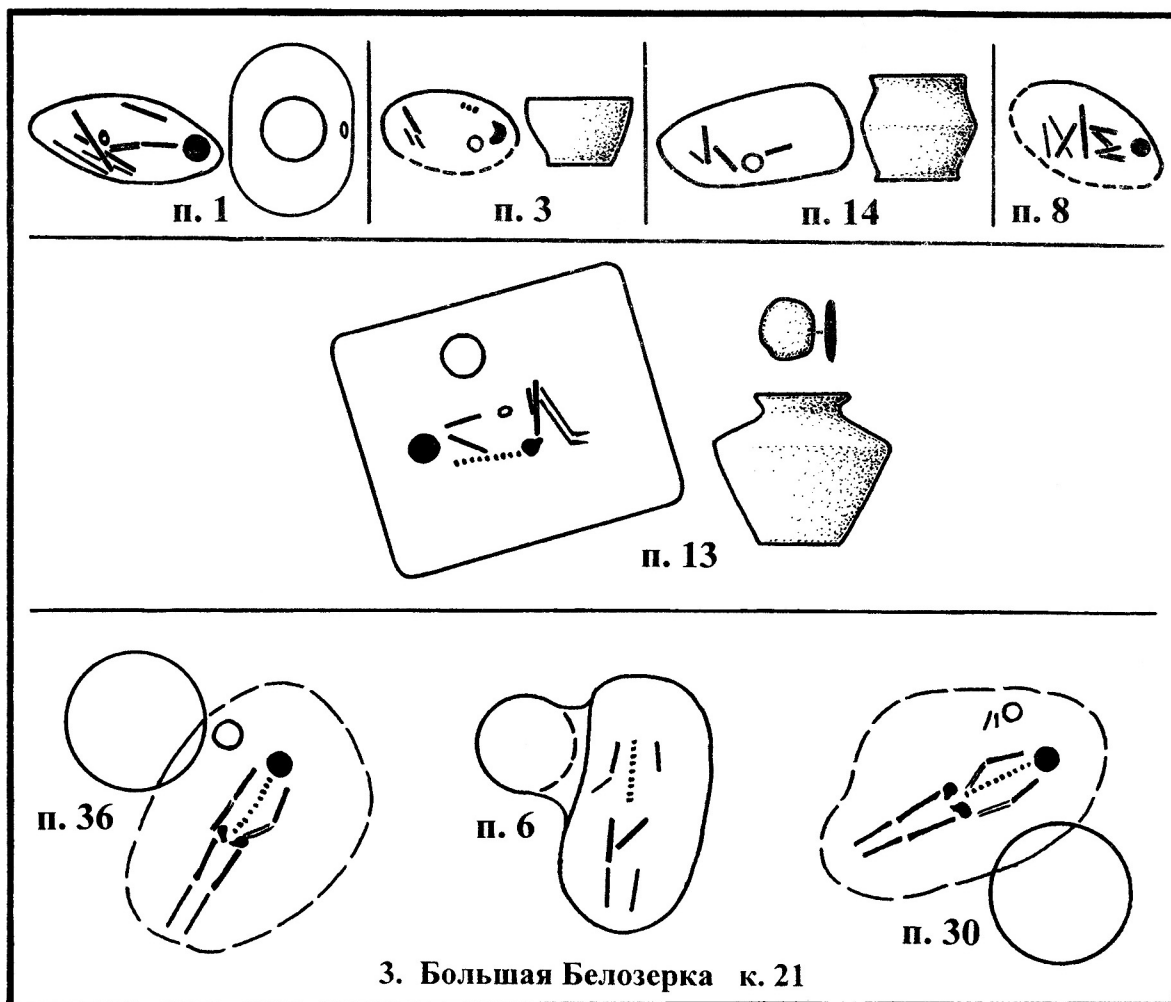
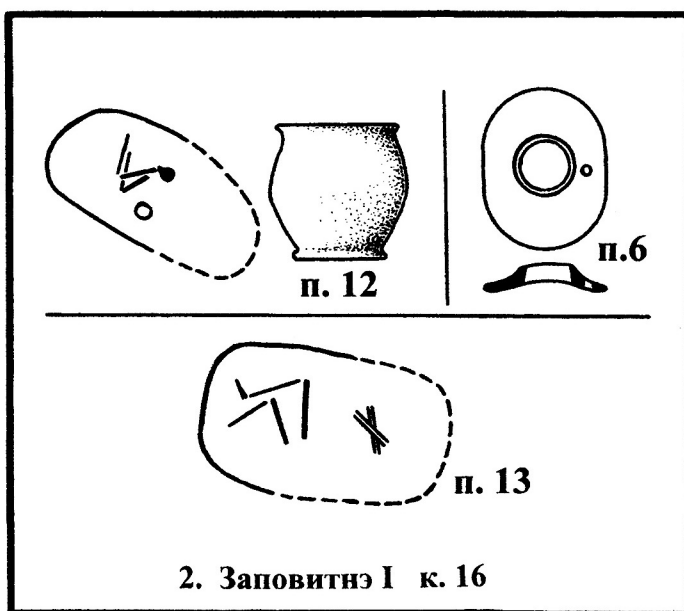
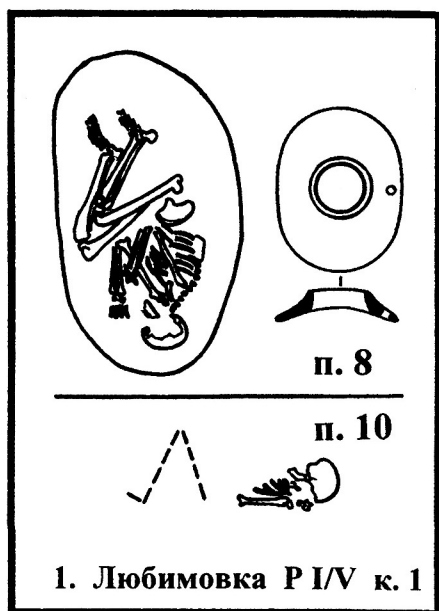

Рис. 8. Стратиграфические колонки курганов Нижнего Поднепрорья

В 1978 г. Запорожской экспедицией ИА АН УССР³, руководимой В.В.Отрощенко, был раскопан курган 21 у с. Большая Белозерка [41], имеющий для нас принципиальное значение. Длинная насыпь, вытянутая в широтном направлении, как показывает стратиграфия, первоначально состояла из двух самостоятельных курганов, возведенных над ямными захоронениями и досыпанных ингульскими катакомбниками. Позднейшая ингульская досыпка перекрыла полы обоих курганов, превратив их в «восьмерковидную» насыпь с двумя вершинами. С поверхности этой досыпки в седловине между западным и восточным курганами было совершено погребение 13 бабинской культуры (большая прямоугольная яма с деревянным перекрытием, костяк человека в слабо скорченном положении на левом боку с 3 ориентацией сопровождался трехчастной корчагой и песчаниковым брусом), перекрытое мощной досыпкой, которая полностью объединила первоначальные курганы в один овальный. В последнюю досыпку была впущена группа вытянутых цепочкой по линии СЗ-ЮВ погребений бабинской культуры (пп. 1, 3, 14, 8) в подбоях с В и ЮВ ориентацией умерших, сопровождавшихся баночкой, биконическим горшочком, глиняным «хлебцом» и овальной двудырчатой пряжкой. Еще два аналогичных по обряду захоронения в подбоях (пп. 12, 17), возможно, составляли самостоятельный планировочный ряд, вытянутый по линии З-В. Таким образом, рассмотренный курган, кроме соответствующей последовательности захоронений (рис. 8, 3), демонстрирует наличие хронологического hiatus между катакомбами ингульской культуры и древнейшими подбоями Бабино, отрицаемого В.В.Отрощенко [39, с.93]. Хиатус этот оказался заполненным классическим раннебабинским пластом восточного варианта, что в очередной раз подтверждает более раннее сложение культуры в Донецко-Азово-Днепровском регионе.

В 1980 г. той же экспедицией был раскопан курган 8 у с. Таврия Токмакского р-на Запорожской обл., в котором погребение 7 (подбой, костяк в позе «адорации» на левом боку с ЮВ ориентацией, сопровождался маленькой баночкой и овальной двудырчатой пряжкой) было впущено в ЮЗ полу досыпки, возведенной над бабинским погребением 6 (прямоугольная яма с канавкой по периметру дна и деревянным перекрытием содержала костяк подростка в слабо скорченной левобочной позе с 3 ориентацией): рис. 9, 2 [42].

В 1982 г. Запорожской экспедицией ИА АН УССР, руководимой Ю.Я.Рассамакиным, раскопан курган 3 у с. Скелеватое Запорожской обл., в котором погребение 3 (подбой, скорченный на левом боку костяк с ЮВ ориентацией, сопровождался круглой двудырчатой пряжкой с бортиком) было впущено в насыпь, где основным являлось бабинское погребение 4 (прямоугольная с закругленными углами яма, перекрытая деревом и каменной плитой, содержала костяк ребенка в позе «адорации» на левом боку с СЗ ориентацией): рис. 9, 4 [49]⁴.

В 1981 г. экспедицией Днепропетровского университета под руководством И.Ф.Ковалевой исследован курган 12 группы I у с. Котовка Магдалиновского р-на Днепропетровской обл., в котором зафиксирован случай прямой вертикальной

³ Автор искренне признателен В.В.Отрощенко, Ю.Я.Рассамакину, С.Н.Ляшко за любезно предоставленную возможность использовать в данной публикации материалы их раскопок.

⁴ В указанном отчете основное погребение 4 «под вопросом» отнесено к ямной культуре, хотя по набору обрядовых признаков оно соответствует комплексам бабинской культуры 2-го этапа.

стратиграфии: погребение 10 (костяк скорчен на левом боку с ЮВ ориентацией, сопровождался овальной двудырчатой пряжкой) частично прорезало яму погребения 11 (костяк в позе «адорации» на левом боку с СЗ ориентацией): рис. 9, 1 [19, с.9, 17, рис. 1, 32]⁵.

Исключительно важные и интересные материалы бабинской культуры, в том числе по вопросу относительной хронологии ее захоронений, дал курган «Ремонтирская могила», раскопанный 1988 г. экспедицией Криворожского музея под руководством А.А. Мельника [31, с.2-22, табл. I-IV, рис. 2-6, 14-18, 30, 41-47, 61-69]. Стратиграфически зафиксировано, что курган ямного времени с впускными в него ингульскими катакомбами был полностью перекрыт мощной досыпкой над бабинским погребением 7 (прямоугольная яма с каркасно-деревянным и каменным перекрытием, слабо скорченный костяк на левом боку с СЗ ориентацией, сопровождался крупной корчагой северокавказского типа с ручками и храповатой поверхностью придонной части, а также деревянной плоской); затем насыпь была перекрыта с востока досыпкой над бабинским погребением 6 (каменный ящик, средне скорченный костяк на левом боку с СЗЗ ориентацией, сопровождался типичной трехчастной корчагой, деревянной плоской, кремневым отщепом и пряжкой-кольцом); позднее в последнюю досыпку было впущено⁶ бабинское погребение 4 (подбой с каменным заслоном, сильно скорченный костяк на левом боку в позе «адорации» с С ориентацией, сопровождался костяной округлой пряжкой с двумя разновеликими отверстиями): рис. 9, 3.

После приведенной серии примеров, при полном отсутствии обратных, нет необходимости доказывать абсолютный хронологический приоритет комплексов в деревянных и каменных гробницах с западной ориентацией умерших и кольцевыми пряжками (восточная или доно-днепровская группа Бибино) по отношению к захоронениям в подбоях с В, ЮВ, Ю ориентацией и овальными двудырчатыми пряжками (днепро-бугская группа Бабино).

Кратко следует остановиться на планиграфии подкурганых захоронений, привлекаемой в качестве аргумента в хронологических построениях. Сама по себе планировка захоронений в кургане, не скоррелированная со стратиграфическими данными, не является достаточным основанием для выводов о синхронности или одновременности тех или иных комплексов. Кроме того, впуск погребений с уровня одной насыпи, как, впрочем, и перекрывание их единой досыпкой, также не может считаться аргументом в пользу одновременности этих захоронений, если о том нет каких-то особых свидетельств, поскольку временной промежуток между их совершением мог быть весьма значительным. Из этих посылок следует

⁵ В публикации ошибочно указана СВ ориентация костяка в погребении 11 [19, с.9].

⁶ В отчете [31, с.14-15, рис.3д, 30] стратиграфическое положение погребения 4, исходя из уровня залегания каменной плиты перекрытия, предположительно указано как *впускное с уровня ямной насыпи III*. Однако автором раскопок не учтено, что подбойные конструкции бабинской культуры не имели перекрытий входных колодцев, а потому каменная плита, глубина залегания которой приблизительно совпадает с уровнем поверхности III насыпи, не может маркировать уровень впуска погребения 4. Эта плита являлась заслоном подбоя, устанавливавшимся всегда на дне входного колодца или на придонной ступеньке, как и в случае с рассматриваемым погребением 4. Корректность нашей реконструкции подтверждается и абсолютной глубиной подбоя (1,0 м) от поверхности досыпки над погребением 6, соответствующей обычным стандартам подобных могильных сооружений (в противном случае, глубина могилы уменьшается до невозможной величины 0,36 м).

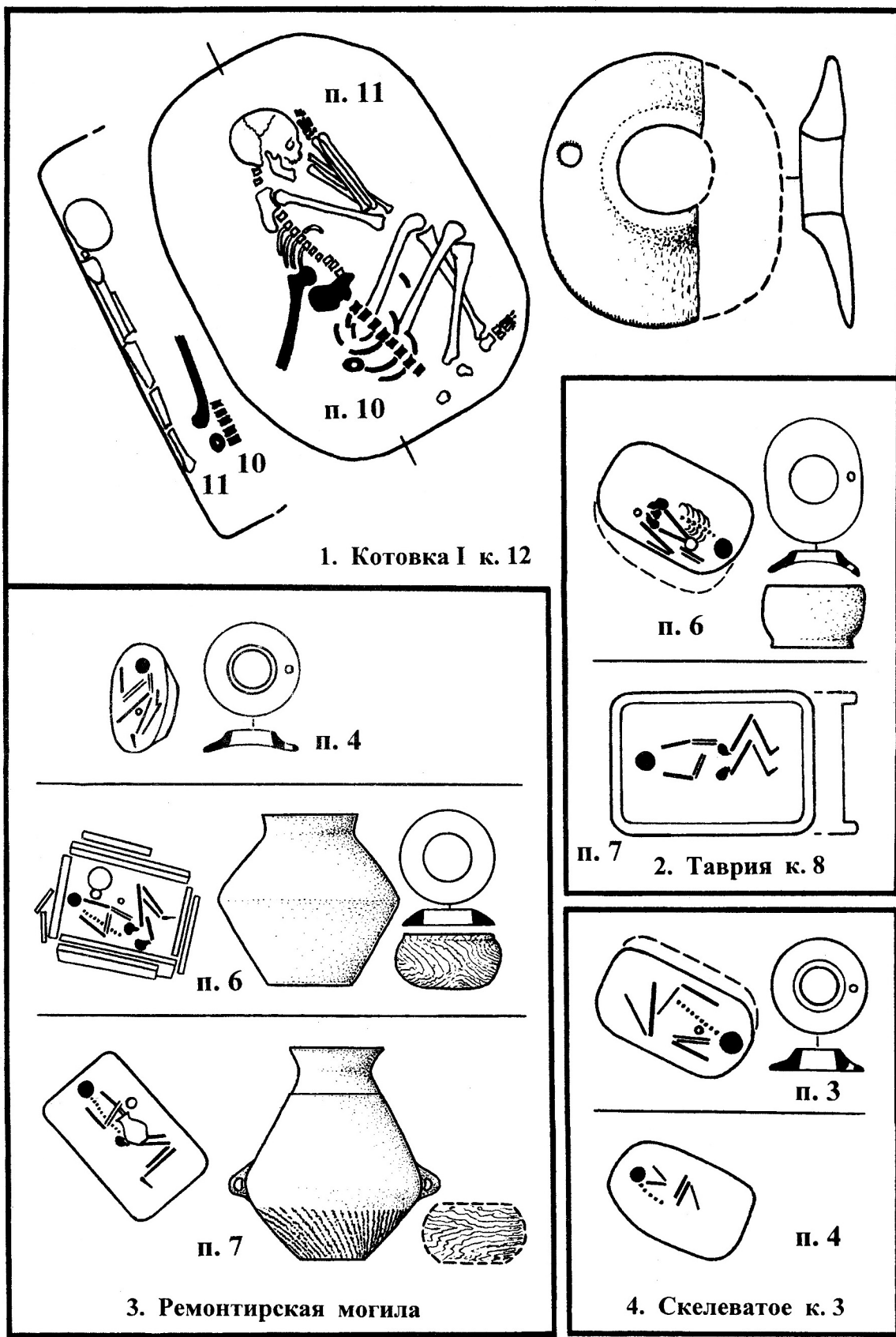

Рис. 9. Стратиграфические колонки курганов Поднепровья

исходить и при анализе уже фигурировавших в хронологических построениях курганов 3/15 группы «Солоха» Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. и кургана 3 у с. Ивановка Николаевской обл. [39, с.98-99]. На наш взгляд, в обоих курганах подчиненность всех бабинских захоронений единой планировке, которая могла бы указывать на их синхронность, далеко не очевидна. Так, в кургане 3 у с. Ивановка группа из 7 погребений (подбойи и овальные ямы, сильно скорченные скелеты в позе «адорации» и сопровождении двудырчатых пряжек) такими признаками, как ориентация погребальных сооружений и обращенность умерших спиной к центру кургана, действительно, демонстрируют принцип радиальной планировки. Однако включение в эту группу *захоронения 3* (крупная прямоугольная яма, мощный каменный ящик, слабо скорченный скелет с перекрестным положением рук и ССЗ ориентацией, сопровождавшийся корчагой, деревянной чашей и пряжкой-кольцом) на том основании, что в нем умерший также обращен спиной к центру насыпи, якобы подчиняясь общей для бабинских комплексов данного кургана тенденции, представляется необоснованным. В данном случае имеет место случайное совпадение: при известной для данной обрядовой группы устойчивости западных и северо-западных ориентировок умерших, а именно к ней относится ивановский каменный ящик, будучи впущенным в СВ сектор кургана, находящийся в нем скелет обязательно будет обращен спиной к центру насыпи. Для убедительности приводим специально составленный по материалам степной зоны Украины от Кальмиуса до Южного Буга сводный планиграфический «полигон» (рис. 10), на котором с соблюдением масштаба и угла направления к центру размещены погребения интересующей нас обрядовой группы (в каменных ящиках, реже ямах и срубках, с корчагами). Схема наглядно показывает: а) внутреннее единство всей серии комплексов, устойчивость их ориентации, независимо от места впуска в курган, б) обращенность спиной к центру только тех умерших, которые захоронены в СВ секторе насыпи.

В кургане 3/15 группы «Солоха» разнобой еще более очевиден [9, с.40-62]: здесь, в зависимости от желания исследователя, можно видеть не только *две дуги* в размещении неоднородных по обряду, инвентарю погребений, но и *отдельные группы* захоронений, не обязательно связанные между собой: а) погребения 4 и 7 – с единым принципом радиальной планировки, одинаковой отдаленностью от центра и овальными двудырчатыми пряжками; б) погребения 3 и 17 – с одинаковой удаленностью от центра, Ю ориентацией, правобочным положением сильно скорченных костяков и круглой двудырчатой пряжкой; в) погребения 2 и 8 – с СЗ ориентацией и сходными позами слабо скорченных скелетов, при сопровождении одного из них срубом и кольцевыми пряжками.

Между прочим, можно привести примеры, когда бабинские погребения в каменных ящиках с керамическими корчагами очень хорошо «вписываются» в планировку расположенных по дуге ингульских катакомб, имея сходную с ними ориентацию умерших, а иногда находясь даже внутри цепочки: курган 3 у с. Новоалександровка Херсонской обл.; курган 3 «Шарованская могила» и курган 4 у с. Петропавловка Николаевской обл. (рис. 11; 12) [12, рис. 83; 57, 59]. Однако это обстоятельство не дает оснований, во всяком случае для нас, синхронизировать бабинский комплекс с ингульскими или, например, помещать его во времени между двумя соседними в дуге катакомбами.

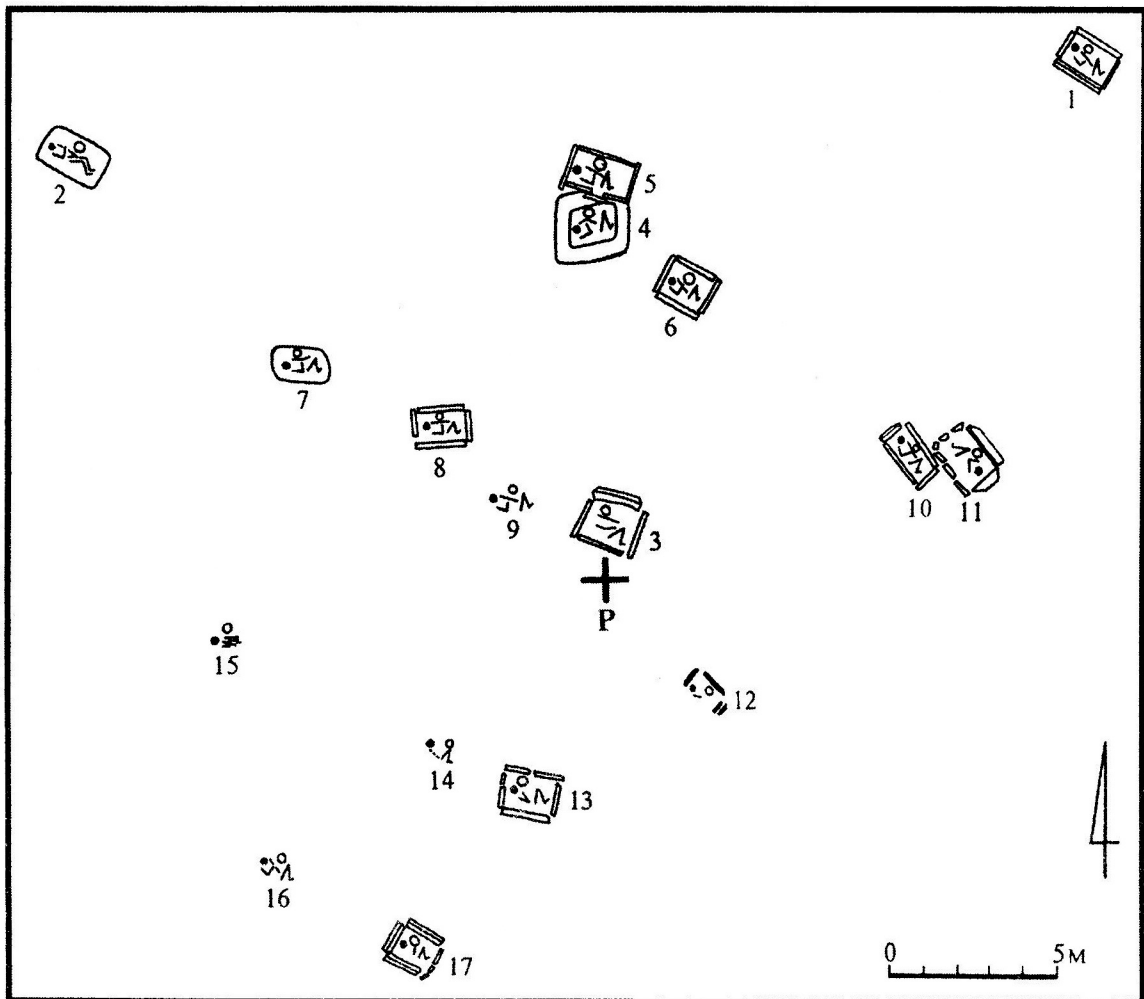

Рис. 10. Планиграфия впускных погребений с корчагами в каменных ящиках, ямах и деревянных рамах бабинской культуры:
 1, 2 - Ремонтирская могила пп. 6, 7; 3, 4 - Бабакова могила к.4 пп. 1, 7;
 5 - Станислав к.1 п.1; 6 - Шарованская могила к.3 п.2; 7 - Орловское к.2 п.11; 8 - Антоновка к.1 п.2; 9 - Гайманова могила к.14 п.1; 10 - Ивановка к.3 п.3; 11 - Петропавловка к.4 п.4; 12 - Таборовка III к.1 п.4;
 13 - Костырка к.6 п.4; 14 - Широкое IV к.1 п.1; 15, 16 - Черная могила пп. 6, 7; 17 - Новоалександровка к.3 п.8

Таким образом, рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что область Нижнего Поднепровья и Днепро-Бугского междуречья демонстрирует ту же хронологическую последовательность типов бабинских погребений, что и Доно-Донецко-Днепровский регион. Разница заключается только в количественном соотношении между комплексами различных обрядовых групп: преобладание ранних над поздними – в восточной области и обратная ситуация – в западной области бабинской культуры, что, очевидно, отражает общую динамику развития данного археологического явления во времени и пространстве.

В свете установленного единства целесообразно обратиться к памятникам Восточнорусской лесостепи, на первый взгляд также «выпадающей» из общей схемы относительной хронологии, и не только бабинской культуры, но и эпохи бронзы в целом [5, с.69-72]. Поскольку мы придерживаемся иной точки зрения,

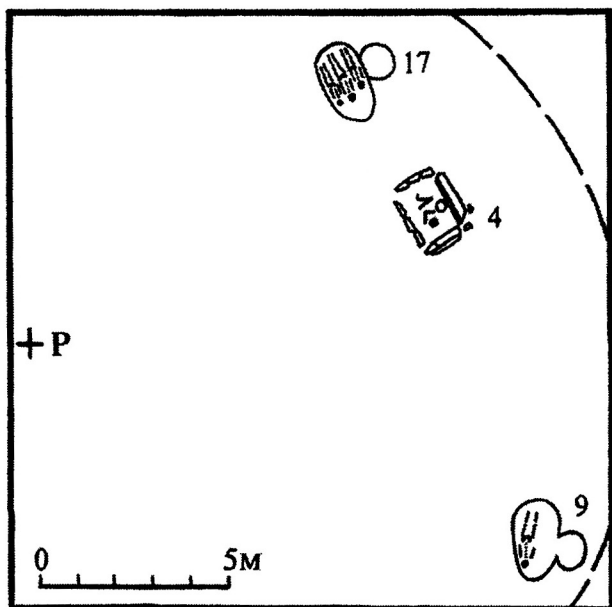

Рис. 11. Петропавловка к.4
(фрагмент общего плана)
[по: Шапошникова О.Г. и др. 1975]

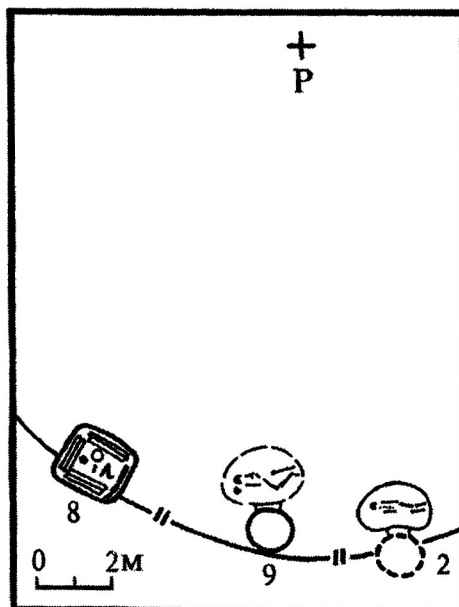

Рис. 12. Новоалександровка к. 3
(фрагмент общего плана)
[по: Евдокимов Г.Л. и др. 1990].

постараемся ее аргументировать. Для начала заметим, что в пределах рассматриваемой области, вопреки утверждениям С.И.Берестнева [5, с.69], все же имеются «случаи стратиграфической сопряженности позднекатакомбных захоронений осколо-донецкого типа и многоваликовых комплексов», не позволяющие выводить обе группы памятников в одну хронологическую плоскость. Для примера, сошлемся на курган IV у с. Вербовка Балаклейского р-на Харьковской обл., исследованный В.Ф.Клименко [14, с.116-128], в котором погребение 1 раннего этапа бабинской культуры, было впущено в досыпку, возведенную над группой катакомб осколо-донецкого типа (харьковско-воронежских)⁷. Известные же типологические параллели в составе погребального инвентаря, которые приводит С.И.Берестнев [5, с.70]⁸, при упомянутой стратиграфической разновременности, по-прежнему могут истолковываться лишь как свидетельства генетической преемственности и хронологической последовательности между позднекатакомбными и бабинскими древностями.

Не столь очевидны и приводимые для подтверждения территориального размежевания массивов населения катакомбной и бабинской культур картографические материалы [5, с.70, рис.2, 24, 48], сопоставление которых, напротив, подтверждает почти полное наложение культурных ареалов. Если детально разо-

⁷ Такое стратиграфическое соотношение определяется уровнем залегания погребения 1 (-0,1 м) в пределах слоя катакомбной досыпки мощностью не менее 0,5 м, фиксируемой в стратиграфических разрезах бровок, благодаря материковым выкидам из катакомбных погребений 4-6, лежащим на поверхности первичного кургана.

⁸ Не все приведенные С.И.Берестневым катакомбно-многоваликовые параллели корректны. В частности, утверждение о том, что «прямые аналогии в позднекатакомбных памятниках имеют также фаянсовые двухрожковые бусы» [5, с.70] со ссылкой на работу О.Г.Вангородской, неверно, поскольку этот тип бус в комплексах катакомбной культуры Северного Причерноморья неизвестен. В катакомбах встречены только упомянутые О.Г.Вангородской [8, с. 46] бородавчатые бусы.

браться с приводимой С.И.Берестневым картой позднекатакомбных памятников осколо-донецкого типа [5, с.183, рис.24], то оказывается, что могильники, то есть *исследованные раскопками* памятники, тяготеют к южной лесостепной зоне (нижнее течение Оскола, Северского донца на участке между устьем Уд и Береки, верховья Орели), а северные районы лесостепи заполнены *известными по разведкам* пунктами поселений, культурная атрибуция которых зачастую остается «под вопросом», поскольку встреченная на них керамика с многоваликовой орнаментацией может диагностировать как позднекатакомбную, так и бабинскую культуру [24; 25, с.23; 26, с.164]. О заселенности же глубинных лесостепных районов носителями бабинской культуры надежно свидетельствуют раскопанные в бассейне р. Сухой Лохвицы (Александровка, Брагинцы, Волошиновка), верховьях рр. Удая (Кулешовка), Говтвы (Михайлики, Яроховка), устье р. Мерлы (Лихачевка) могильники [5, с.61, 207, 211, рис.48, 2, 6, 23⁹; 29, с.8; 30; 33, с.26-27, 39, рис.18; 30, 1; 52, с.12, 19, 20, рис.5, 4].

Преждевременным также следует признать утверждение об отсутствии, за исключением одного случая, в регионе Восточноукраинской Лесостепи свидетельств прямой стратиграфии между захоронениями бабинской культуры, а также вытекающий из него вывод о синхронности всех обрядовых групп бабинских захоронений [5, с.65]. Курганы со стратиграфически разновременными бабинскими погребениями в рассматриваемом регионе имеются. Но прежде, чем рассмотреть их, следует внести ясность в трактовку стратиграфической ситуации известного Михайликовского кургана в междуречье Псла и Ворсклы [30]. С.И.Берестнев представляет последовательность комплексов бабинской культуры данного кургана такой: в «длинную» насыпь, объединявшую погребения 1 и 6, было впущено и перекрыто досыпкой погребение 5, а затем впущено погребение 4 (1 и 6 → 5 → 4) [5, с. 65-66]. Во-первых, относительная хронология захоронений Михайликовского кургана видится несколько иной. Здесь мы в основном солидарны с авторами его публикации [30, с.43-46] и В.В.Отрошенко, выстроившим следующую последовательность погребений: 1 → 6 → 4 → 5 [39, с.101-102], хотя и не находим бесспорных свидетельств хронологического приоритета погребения 4 над погребением 5, говорить о котором можно лишь предположительно, учитывая степень отдаленности этих комплексов от центра кургана. Во-вторых, вызывает возражение отнесение С.И.Берестневым перечисленных бабинских захоронений к различным обрядовым группам (ОГ): погребения 1, 4, 6 – к 1-й ОГ; погребение 5 – ко 2-й ОГ, с вытекающим отсюда выводом об их чересполосном чередовании во времени [5, с.65-66]. Все четыре бабинских комплекса демонстрируют единую погребальную традицию с принципом бинарной оппозиции мужчин и женщин, широтными ориентировками, подчиненными в данном конкретном случае направлению длинной оси кургана, что и обусловило наблюдающиеся отклонения [39, с. 102]. Впрочем, в наших оценках стратиграфии Михайликовского кургана имеются и точки соприкосновения: рассмотренные комплексы бабинской культуры вряд ли значительно разделены во времени и маркируют один, ранний, хронологический этап. От себя добавим, что, несмотря на это, данная стратиграфическая колонка все же отражает одну важную тенденцию, известную по бабинским

⁹ Ряд обозначенных на карте пунктов [5, рис.48, 1, 14, 36 и др.] вообще не могут быть отнесены к бабинской культуре, поскольку происходящие из них погребения относятся не к бабинским, а срубным: Красная Гусаровка – «А» ½, Барановка 2/9, Рождественка 1/10, Полковая Никитовка 2/6, Кириковка-В 8/7.

памятникам других регионов: только древнейшее погребение 1 отличалось архаичной позицией рук умершего (одна протянута к коленям, другая согнута в локте), тогда как все более поздние комплексы характеризовались позой «адорации».

Теперь обратимся к другим стратифицированным курганам, выявленным в Левобережной украинской лесостепи.

В 1983 г. экспедицией Харьковского университета под руководством С.И.Берестнева был исследован курган 1 группы «В» у с. Красная Гусаровка Балаклеевского р-на Харьковской обл., материалы которого, к сожалению, не вошли в недавно опубликованную монографию автора раскопок. Между тем, указанный курган дал стратиграфическую колонку, близкую рассмотренной в Михайликовском кургане, хотя и несколько «урезанную»: основным являлось погребение 5 мужской обрядовой группы (прямоугольная яма с деревянной рамой, костяк в слабо скорченном на левом боку положении с 3 ориентацией, сопровождался «шкурой» овцы, кремневым отщепом и фрагментом керамики); в курган впущено погребение 4 женской обрядовой группы (яма с закругленными углами и деревянной рамой, костяк скорчен на правом боку со скрещенными на груди руками и В ориентацией, сопровождался кварцитовым отщепом) [3]. Оба погребения, несмотря на стратиграфическую разновременность, относятся к раннему этапу бабинской культуры.

В 1988 г. той же экспедицией раскопан курган 3 группы I у с. Петрополье Лозовского р-на Харьковской обл., оставшийся лишь упомянутым в монографии С.И.Берестнева [5, с.69]. Он также предоставил вариант взаимной стратиграфии между бабинскими погребениями. В кургане исследовано впускное с досыпкой погребение 2: в деревянной раме лежал костяк человека в слабо скорченной на левом боку позе с СЗЗ ориентацией и сопровождался костями животного. В досыпку над погребением 2 было впущено погребение 1: костяк в позе «адорации» на левом боку с 3 ориентацией [4]. В данном случае имеет место, неоднократно фиксировавшееся в курганах Северского Донца, Орельско-Самарского междуречья и Нижнего Поднепровья последовательное перекрывание между комплексами первого (раннего) и второго (среднего) хронологических горизонтов бабинской культуры.

В 1990 г. той же экспедицией раскопан курган 2 группы I у с. Лиман Готвальдовского (ныне Змиевского) р-на Харьковской обл., опубликованный С.И.Берестневым [5, рис.55, 56]. Начало кургану положено основным погребением 4 раннего этапа бабинской культуры: прямоугольная яма с деревянной рамой, костяк слабо скорчен на левом боку с 3 ориентацией. В западную полу первичного кургана было впущено погребение 1: яма прямоугольных очертаний с поперечным деревянным перекрытием содержала костяк взрослого человека на левом боку с перекрестным положением рук и В ориентацией, сопровождавшийся костью животного. По обрядовым признакам погребение 1 соответствует комплексам позднего этапа бабинской культуры¹⁰.

¹⁰ Вместе с тем, погребение 1 отвечает и признакам захоронений черногоровского круга. Поскольку выяснение его стратиграфического соотношения с группой впускных и перекрытых досыпкой погребений покровского типа (раннесрубных) не представляется возможным (погребение 1, судя по глубине залегания, могло, как предшествовать покровским, будучи впущенным с поверхности первичного кургана, так и следовать за ними, будучи впущенным в покровскую досыпку), вопрос о культурной атрибуции погребения 1 остается открытым. Впрочем, С.И.Берестнев склонен относить его именно к захоронениям КМК (бабинским) [5, с.61], а потому должен признать имевшее

Нельзя обойти вниманием и стратиграфическую ситуацию в кургане 1 у с. Червонэ Знамено Первомайского р-на Харьковской обл., исследованном в 1994 г. экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В.С.Аксенова [1]. Автор раскопок и частичной публикации этого кургана пишет о наличии в нем впускного погребения 10 культуры многоваликовой керамики, содержавшего «захоронение женщины с ребенком лет 3-4 ... Женщина покоилась на спине в сильно скорченном положении. Костяк ребенка располагался поверх костяка женщины. Умершие были ориентированы в противоположные стороны: женщина головой на юг, ребенок головой на север. На костях правой руки женщины была зафиксирована костяная пряжка ..., позволившая определить культурную принадлежность захоронения» [1, с.182-183, рис.1, 1, 2]. Судя по всему, аналогичным образом рассматривает указанный комплекс и С.И.Берестнев [5, с. 64, 68, рис. 53, 7, 8]. Однако у нас имеются основания предложить иную его интерпретацию. Представляется, что данный случай отражает не единоактовое, то есть одновременное, захоронение, а два самостоятельных погребения, разделенных каким-то промежуток времени. Разумеется, оценка этого временного промежутка и объяснение причин прямого непосредственного перекрытия между погребениями могут быть различными. Однако неизменным остается факт предшествования захоронения взрослого человека с Ю ориентацией погребению ребенка с С ориентацией. В подтверждение прозвучавшей мысли приведем аналогичный пример.

В 1988 г. отрядом экспедиции Донецкого университета под руководством Т.А.Шаповалова у с. Александровка Краснолиманского р-на Донецкой обл. (левобережье Северского Донца) был раскопан курган 1, в котором зафиксирован случай прямой стратиграфии между впускными комплексами бабинской культуры: погребение 7, сопровождавшееся круглой плоской пряжкой с бортиком и разновеликими отверстиями, непосредственно перекрывалось погребением 6, содержащим овальную желобчатую пряжку с разновеликими отверстиями (рис. 13, 1)¹¹ [34, с.31-32]¹². Причем скелет погребения 7 (дно могилы - на глубине 2,31 м от Р) зафиксирован сразу же под тленом органической постилки погребения 6 (дно могилы - на глубине 2,25 м от Р). Несмотря на это, временной разрыв между двумя захоронениями подтверждается происходящими из них разнотипными пряжками, хронологическая последовательность которых достаточно надежно установлена.

Таким образом, можно полагать, что и в кургане 1 у с. Червонэ Знамено также прослежен факт следования захоронения с С ориентацией за погребением с Ю ориентацией умершего (рис. 13, 2). В связи с непосредственным расположением одного костяка над другим возникает вопрос об увязке с ними костяной пряжки. Дело в том, что характер и место нахождения пряжки таково, что с одинаковой долей вероятности может предполагать отнесение её как к нижнему (с размещением у локтя правой руки), так и верхнему (с размещением у колена правой ноги) костякам, поскольку обе позиции достаточно типичны для бабинских захоронений. Кроме того, подобный тип пряжки коррелируется с обеими обрядовыми группами бабинских погребений: с Ю ориентацией - 2 случая, с С ориентацией - 8

место в кургане 2 у с. Лиман стратиграфическое соотношение между бабинскими комплексами (рис. 13, 2).

¹¹ Автор искренне благодарен Т.А.Шаповалову за предоставленную возможность публикации материалов его раскопок.

¹² В текст отчета [34, с.32] вкралась опечатка: ориентация погребения 6, вместо *восточной*, ошибочно указана как *западная*, что проверяется полевой документацией.

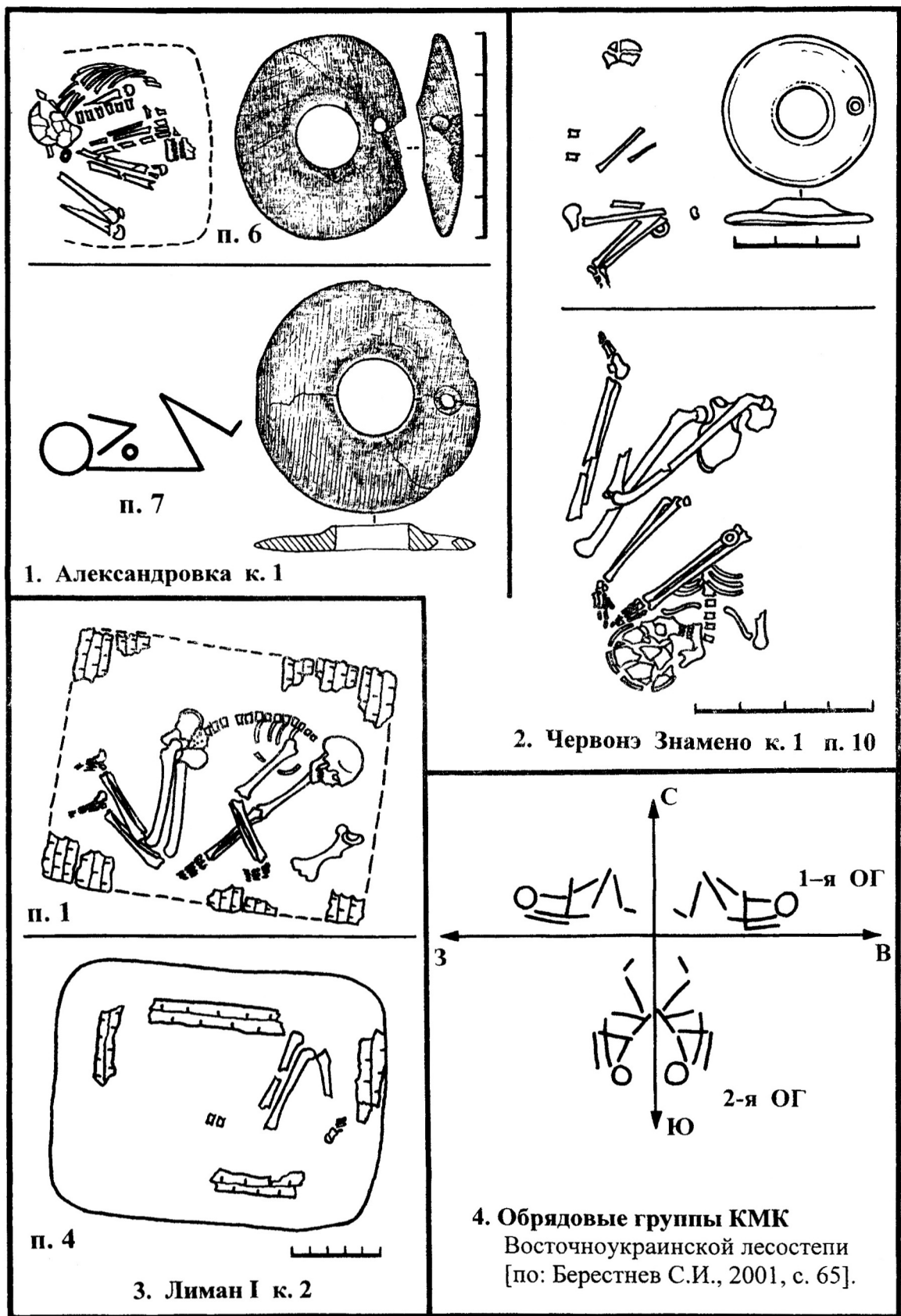

Рис. 13. Стратиграфические колонки курганов и обрядовые группы погребений Левобережной украинской лесостепи

случаев, заметно преобладая в последней. Причем 5 из 8 ориентированных на С погребений происходят из лесостепной зоны, тогда как 3 остальных – из степи¹³.

Таким образом, материалы курганных могильников Левобережной (Востоčnoукраинской по С.И.Берестневу) лесостепи свидетельствуют о том, что бабинские памятники этого региона в значительной степени вписываются в культурные традиции восточной (днепро-донской) области Бабино. Впрочем, эту традицию демонстрируют далеко не вся Левобережная украинская лесостепь, а лишь регион, расположенный к востоку от Псла. Расположенные же к западу от Псла памятники тяготеют к среднеднепровскому варианту (культуре) бабинского культурного круга, хронология которого требует отдельного рассмотрения [24, с.9, 10]. Разумеется, в пределах восточной области культуры Бабино, а тем более в ее западной зоне (днепро-буго-дунайской), имеют место определенные локальные особенности, в том числе хронологические. Однако все они взаимосвязаны, подчинены тенденциям и закономерностям общего культурно-исторического процесса и, по сути своей, отражают динамику развития единого по истокам культурного явления во времени и пространстве. Становится все более очевидным, что ключевое место в рамках этой культурной области занимают памятники Донецко-Днепро-Азовского региона. В отличие от других групп Бабино, они демонстрируют такие черты, как активное курганное строительство, развитая «социальная» и половозрастная дифференциация, сравнительная «сложность» погребальных обрядов и ритуалов, широкие межкультурные связи, пространственно-временная динамика и многоэтапность развития, что, в сопоставлении с известными на пространствах Евразии центрами культурообразования эпохи бронзы, позволяет рассматривать очерченную область между Северским Донцом, Днестром и Азовским морем в качестве очага культурогенеза [22, с. 67, рис. 2; 27]¹⁴, последующее расширение которого на восток – до Волги, на запад – до Прута и Дуная, на север – до Сейма и Десны, при наложении исходного импульса на местный субстрат каждого региона, привело к образованию огромной культурной области, которая по своему характеру и масштабам уже не вписывается в параметры *археологической культуры*, даже разделенной на локальные варианты. Подобная оценка известных археологических реалий более всего согласуется с накопленным на сегодняшний день фондом источников и отвечает достигнутому уровню осмысления древностей эпохи средней-поздней бронзы восточноевропейской степи, лесостепи и смежных регионов, намечая перспективу и направления исследовательского процесса.

¹³ Вся статистика дана по бабинским памятникам восточной области (доно-днепровской), поскольку памятники Правобережной Украины и Молдовы демонстрируют совсем иные тенденции.

¹⁴ Имеющиеся альтернативные подходы в решении вопроса об истоках и очагах бабинского (КМК) культурогенеза [5, с.72; 39, с.87; 40, с.14, 25, 26; 55], при всей своей оригинальности и неожиданности, концептуальной логичности и непрерывности причинно-следственных цепочек (порой можно позавидовать отсутствию в них «темных пятен» и «знаков вопроса»), еще более, чем наша гипотеза, нуждаются в детальной и всесторонней проработке на уровне источников, начиная с «невидимых с высоты птичьего полета» мелочей (анализа данных сравнительной стратиграфии, состава замкнутых археологических комплексов, корреляции обрядово-инвентарных признаков и т.д.), и заканчивая малыми и большими обобщениями (желательно подкрепленными и иллюстрированными сводными таблицами, схемами, картами и прочими «наглядными» и проверяемыми материалами). Впрочем, осуществить эту объемную работу весьма непросто, что в полной мере осознает и автор этих строк.

Литература

1. Аксенов В.С. Археологические исследования Харьковского исторического музея // Древности 1995. – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1995.
2. Березанская С.С. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986.
3. Берестнев С.И. Отчет о работах новостроечной экспедиции Харьковского университета в зонах строительства Балаклейской ОС в Харьковской области в 1983 г. // Науковий архів ІА НАН України. - № 1983/167.
4. Берестнев С.И. Отчет о работах новостроечной экспедиции Харьковского государственного университета в 1988 г. // Науковий архів ІА НАН України. - № 1988/211.
5. Берестнев С.И. Восточнoукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). - Харьков: ПФ Амет, 2001.
6. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – К.: Наук. думка, 1976.
7. Братченко С.Н. Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР: В 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т.1.
8. Вангородская О.Г. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1987.
9. Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Отчет о работах Западнoскифской экспедиции 1961 г. // Науковий архів ІА НАН України. - № 1961/30.
10. Дубовская О.Р. и др. Отчет о работе Северско-Донецкой экспедиции ИА АН УССР на территории Ворошиловградской обл. в 1981 г.
11. Дубовская О.Р. Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Приазовья // Археология и краеведение – школе: Тез. докл. обл. семинара. – Донецк, 1985.
12. Евдокимов Г.Л., Генинг В.В., Куприй Н.М., Солтыс О.Б. Отчет о раскопках курганов Краснознаменной экспедицией в районе строительства оросительных систем Херсонской обл. в 1990 г. // Науковий архів ІА НАН України. - № 1990/12.
13. Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1974.
14. Клименко В.Ф. Курганные древности Северского Донца. – Енакиево, 1997.
15. Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1981.
16. Ковалева И.Ф. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1988.
17. Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Шахров Г.И. Исследование курганов группы «Долгой могилы» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1987.
18. Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Костенко В.И., Шалобудов В.Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» // Курганные древности Степного Поднепровья II-I тыс. до н.э. – Вып.2. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1978.

19. Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Никулкин И.В., Яремака В.Н. Могильники эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье // Древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1983.
20. Колесник А.В., Подобед В.А., Дедов В.Н., Литвиненко Р.А. Отчет о работах археологической экспедиции экспериментального творческого объединения «Фонд» при Донецком отделении Украинского Фонда культуры в 1988-1989 гг. // Науковий архів ІА НАНУ. – 1989/239.
21. Литвиненко Р.А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. – К., 1994 // Науковий архів ІА НАН України. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 750.
22. Литвиненко Р.А. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): Матер. междунар. конф.: В 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч. 1.
23. Литвиненко Р.А. Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археолог. конф. – Ростов-на-Дону, 1998.
24. Литвиненко Р.А. К оценке культуры многоваликовой керамики Левобережной украинской лесостепи // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. науч. конф. – Харьков, 1999.
25. Литвиненко Р.О. До оцінки джерельної бази культури багатоваликів кераміки (Бабине) // Проблемы истории и археологии Украины: Матер. междунар. науч. конф. – Харьков, 2001.
26. Литвиненко Р.А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. – Самара, 2001.
27. Литвиненко Р.О. Про виділення первинного осередку культури Бабине (КБК) // Праці наук. конф. ДонНУ за підсумками науково-дослідної роботи за період 1999-2000 рр. – Донецьк: Вид-во Дон. ун-та, 2001.
28. Литвиненко Р.А. Катакомбное наследие в бабинской культуре // Степи Евразии в древности и средневековье: Матер. Междунар. науч. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002.
29. Лугова Л.М. Ранньозрубні поховання басейну Псла // Пам'ятки археології Полтавщини. – Полтава, 1991.
30. Луговая Л.М., Шилов Ю.А. Михайликовский курган раннесрубного времени // Археологические исследования на Полтавщине. – Полтава, 1990.
31. Мельник А.А. Отчет Криворожского музея о раскопках 1988 г. // Науковий архів ІА НАН України. - № 1988/214.
32. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. –М.: Наука, 1974.
33. Моруженко А.А. Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого госуниверситета о работах в 1982 г.
34. Моруженко А.А., Кравец Д.П., Посредников В.А., Шаповалов Т.А., Евглевский А.В., Литвиненко Р.А. Археологические исследования курганов в Донецкой области // Науковий архів ІА НАН України. - № 1988/63.
35. Отрощенко В.В. Племена срубной культуры Степного Поднепровья (по материалам могильников): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. – К., 1981 // Науковий архів ІА НАН України. – Ф. 12.-№ 598.

36. Отрощенко В.В. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА. - 1990. - № 1.
37. Отрощенко В.В. О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины: Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф. – Харьков, 1992.
38. Отрощенко В.В. Третій Капітанівський польовий археологічний семінар // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: Матер. 3-го Українсько-Російського польового археолог. семінару. – Київ, Вороніж, Перевальськ, 1997.
39. Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). – К., 2001.
40. Отрощенко В.В. Історія племен зрубної спільності: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. – К., 2002.
41. Отрощенко В.В., Болдин Я.И., Белов, Ляшко С.Н., Пустовалов С.Ж., Рассамкин Ю.Я., Савовский И.П., Томашевский В.А. Отчет о раскопках Запорожской новостроечной экспедиции в 1978 г. // Науковий архів ІА НАН України. - № 1978/3.
42. Отрощенко В.В., Ковалев Н.В., Пустовалов С.Ж., Рассамкин Ю.Я., Салий Н.Г., Гольшкіна В.И., Дорофеев В.В., Полин С.В. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1980 г. // Науковий архів ІА НАНУ. - № 1980/5.
43. Писларий И.А. Отчет о работе Северско-Донецкой экспедиции ИА АН УССР за 1975 г. на территории Ворошиловградской обл. // Науковий архів ІА НАНУ. – 1975.
44. Писларий И.А. Отчет о работе Северско-Донецкой экспедиции ИА АН УССР за 1977 г. на территории Ворошиловградской обл. // Науковий архів ІА НАНУ. – 1977/13.
45. Писларий И.А. Отчет об исследованиях Северско-Донецкой экспедиции. Курганы у с. Суходол, г. Молодогвардейск Краснодарского р-на и сс. Чернухино, Провалье, Бирюково, Дарьино-Ермаковка Свердловского р-на Ворошиловградской обл. // Науковий архів ІА НАН України. - № 1979/14.
46. Писларий И.А. О методе проверки однородности массива археологических памятников // Новые методы археологических исследований. – К.: Наук. думка, 1982.
47. Писларий И.А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983.
48. Пустовалов С.Ж. Ямная общность и катакомбная общность: последовательная смена во времени или сосуществование // *Labores pariant honores*. Проблеми археології Подніпров'я. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпр. ун-ту, 2000.
49. Рассамкин Ю.Я., Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., Ляшко С.Н., Салий Н.Г., Кравченко С.Н., Ковалев Н.В., Николова А.В. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1982 г. // Науковий архів ІА НАНУ. - № 1982/2.
50. Рогудеев В.В. Могильник Репный 1 и проблема преемственности посткатакомбных и раннесрубных памятников Степного Подонья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. конф. – Самара, 2001.
51. Санжаров С.Н. Курган с прямой стратиграфией погребений культуры многоваликовой керамики из Донецкого Приазовья // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград: Перемена, 1994. – Вып.4.

52. Супруненко А. Александровский курган эпохи энеолита-бронзы в междуречье Сулы и Удая: Препринт. – Полтава, 1994. – Вып.3.
53. Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. – Л.: Наука, 1991.
54. Чернявская Н.В. Погребения культуры многоваликовой керамики в Днепровском Левобережье // Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. – Вып.3. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1979.
55. Черняков И.Т. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал балкано-дунайского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): Матер. междунар. конф.: В 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч.1.
56. Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарафутдинова И.Н. О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингулья. – К.: Наук. думка, 1977.
57. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балускин А.М., Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н., Корпусова В.Н., Магомедов Б.В., Некрасова Д.Н., Нечитайло А.Л., Ребедайло Г.П., Рычков Н.А. Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1975 г. // Науковий архів ІА НАН України. - № 1975/3.
58. Шарафутдинова Э.С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1987.
59. Никитин В.И. Отчет о работе Ингулецкой степной экспедиции Николаевского краеведческого музея в 1973 г. // Науковий архів ІА НАН України. - № 1973/63а.